

ФРАНКО Иван Яковлевич (27.8.1856, с. Нагуевичи, ныне с. Ивано-Франково Дрогобычского района Львовской обл., – 28.5.1916, Львов). Писатель, ученый, общественный деятель, стоявший на позиции украинизма. Родился в семье сельского кузнеца, русина. Окончил гимназию в Дрогобыче. В 1875 г. поступил на философский факультет Львовского университета. Писать начал еще в гимназии; в студенческие годы широко развернулась его литературная и публицистическая деятельность. В 1878 г. вместе с М. Павликом издавал журнал «Громадський друг» («Друг общества»), дважды закрывавшийся полицией и выходивший под другими названиями [«Дзвін» («Колокол»), «Молот»]. Печатался в украинофильских [«Світ» («Свет»)], польских [«Львовский курьер» («Kurjer Lwowski»), «Друг народа» («Przyjaciel ludu»), «Труд» («Praca»)], немецких [«Время» («Die Zeit»)] и др. периодических изданиях. В 1890 г. основал вместе с Павликом и О. Терлецким в Галиции Русско-украинскую радикальную партию, объединившую крестьян и ремесленников, издавал журнал «Народ» (1890) и «Хлібороб» (1891). В 1894–1897 гг. вместе с женой Ольгой издавал журнал «Житте і слово». В 1891 г. сдал выпускные экзамены в Черновицком университете; в 1893 г. защитил докторскую диссертацию («Варлаам и Иосаф, старохристианский духовный роман и его литературная история») в Венском университете. Был избран доцентом кафедры украинской литературы и этнографии Львовского университета, но не был допущен к преподаванию. В 1906 г. Франко присвоено Харьковским университетом звание почетного доктора русской словесности. В дальнейшем Франко главное внимание уделял литературному творчеству, переводам (с русского, польского, немецкого, английского, французского, чешского, словацкого языков; перевел Г. Гейне, У. Шекспира, А. С. Пушкина и др.) и научной деятельности (труды в области истории, экономики, фольклористики, этнографии, литературоведения). Первый зрелый сборник стихов Франко «С вершин и низин» вышел в 1887 г.

Стоя на позициях умеренного украинского национализма, И. Франко с симпатией относился к деятельности русинских общественных деятелей, стоявших на общерусских позициях, не принижал их роли в просвещении народа. Он также осуждал оголтелый национализм и русофобию. В своей статье «Искренность тона и искренность убеждений» (1905 г.) он писал: «Мы все русофилы, слышите, повторяю еще раз: мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке, вероятно, не меньше, а может и больше, чем вы».

Разумеется, не все утверждения автора бесспорны. В частности, вызывает недоумение постоянное употребление этнонима «украинец» по отношению к политическим деятелям общерусской ориентации и всему населению Галиц-

кой Руси и Малороссии, в то время таковыми себя не считающими, а также игнорирование того факта, что русский литературный язык — не только великорусский. Это общерусский язык, вклад в создание которого внесли все ветви русского народа, в т.ч. и русины.

Однако нам не может не импонировать толерантность, которая прозвучала в материалах И. Франко, готовность объединиться со своими идейными противниками на ниве просветительской работы среди простого народа.

Статья «Формальный и реальный национализм», публикуемая ниже, была написана в 1889 г. как выступление в полемике об отношении галицких украинофилов к русской литературе. Первым в этой полемике выступил А. Кониский. Его «Лист подорожного» («Письмо проезжего») и «Особый русский язык» (статья и в оригинале была озаглавлена по-русски) были напечатаны в шестом номере журнала «Правда» за 1889 г. Конискому ответил М. Драгоманов (под псевдонимом Чудак), поместивший в восьмом — одиннадцатом номерах журнала «Зоря» за тот же год статью «В справі відносин українців до російської літератури» («К вопросу об отношении украинцев к русской литературе»). Статья Франко «Формальный и реальный национализм» касается спора между Кониским и Драгомановым, одновременно являясь ответом и на статью Г. Звездочета (поэта Трофима Зиньковского) о национальном вопросе в России (львовский журнал «Правда», 1889, № 9), и на передовую десятого номера журнала «Правда» за тот же год, посвященную национально-политическому воспитанию «украинцев» в Галичине.

Франко в своей статье подходит к решению национальных проблем с позиций революционного демократа, обличая украинских националистов из редакции «Правды», подчеркивая роль русинов, стоящих на общерусских позициях, в просвещении простого народа.

Примечания, составленные Б.А. Тургановым (*Франко Иван. Сочинения в десяти томах. Т. 10. Статьи, письма. М., 1959. С. 709-711*), существенно переработаны и дополнены С.Г. Суляком.

Статья и в оригинале была озаглавлена по-русски.

ФОРМАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Впервые за многие годы в литературе нашей возник спор по принципиальному вопросу. Как понимать национализм? С легкой руки возбудил этот вопрос [львовский журнал] «Правда»¹, толкуя национализм как нечто враждебное так называемому интернационализму. Предостережения, которые эта редакция по поводу интернационализма сочла нужным сделать галицко-украинской молодежи, вызвали среди нее

справедливое возмущение, которое и проявилось в ответе «Одного из молодежи», напечатанном по-украински и украинскими буквами в краковском «Ognisko»². Одновременно и г. Чудак в «Зорі» разобрал этот вопрос и принципиально, и практически, с точки зрения Галичины и [Надднепрянской] Украины, в частности, с точки зрения украинской литературы. Вся читающая публика должна быть благодарна редакции «Зорі» за помещение этих весьма ценных статей г. Чудака, которые, помимо множества нового материала, отличаются также смелым и глубоким анализом различных важных и насущных вопросов нашего духовного и литературного развития. Тем интереснее было для нас прочитать в двух последних выпусках «Правди» несколько статей и заметок, которые прямо или косвенно поднимают дискуссию по тому же вопросу; мы думаем, что и для читателей «Зорі» нелишне будет познакомиться несколько подробнее со взглядами того журнала, который собирался стать органом, связывающим интеллигенцию украинскую с галицкой, а ту и другую вместе - с духовными интересами демократической и прогрессивной Европы.

К великому сожалению, почти с самого начала редакция «Правди» сама для себя сделала невозможным выполнение этой задачи, сосредоточив обсуждение исключительно на формально-национальном пункте, меряя все вопросы абстрактной национальной меркой. Мы далеки от того, чтобы отрицать важность национального вопроса, то есть развития народности во всех присущих ей формах (язык, обычаи, одежда и т. д.); но все же мы не хотим никогда забывать, что развитие народности - это лишь одно из проявлений развития народа, наряду с развитием экономическим, общественным, развитием просвещения и т. д. Ясное дело, оно тесно связано со всеми этими проявлениями развития; но именно потому нельзя его принимать за нечто кардинальное, наиболее важное и исключительно определяющее: развитие народности без развития живого народа, его благосостояния, просвещения, равенства общественного и прав гражданских - это либо пустая мечта, доктринерство, либо искусственное тепличное создание. Национальная литература, искусство и так далее должны быть следствием живой потребности нации и удовлетворять эту потребность. Нации, которая умирает с голода, в которой девяносто процентов людей не умеют ни читать, ни писать и не имеют де-факто никакой политической свободы, - такой нации нужны хлеб, азбука и конституция; театрами, концертами, «национальными» романами и стихами очень мало ей поможешь.

К несчастью, редакция «Правди» или не видит этого, или, если видит и отмечает факты, то не делает из них простейших выводов, чтобы привести их к органической цельности. Так, например, она счита-

ет украинскую штунду «вполне логичным результатом всей суммы тех жизненных условий, к каким привело украинский народ общерусское благо» («Правда», X, 65), - то есть попросту следствием «обрусения», а не следствием развития религиозной мысли, которое началось еще в XVI и XVII веках и было только приостановлено обрусением и царской централизацией, - а также развития социальных условий, которое с обрусением не имеет ничего общего. Далее, редакция «Правды» хотя и приводит немало фактов экономической нищеты и разорения украинского народа, однако почему-то ни разу не приходит к позитивной мысли, как устранить эту нищету и это разорение, и не приходит именно потому, что все эти факты, чисто экономические, то и дело и вовсе не кстати приправляет национальным соусом. Наконец и в самом национальном вопросе редакция «Правды», хотя и видит ясно, что основная беда украинского дела в России заключается теперь в отсутствии политической свободы, но все же, разразившись громкими и довольно фразистыми обвинениями по адресу деспотизма, она ни разу не поставила вопроса о том, что надо делать украинцам, чтобы повалить этот деспотизм и добыть политическую свободу. Наоборот, то и дело повторяя, что украинцам в России теперь ничего делать нельзя, что там не только правительство, а и вся (или чуть ли не вся) интеллигенция и «раса» великорусская стремятся уничтожить украинскую народность, редакция «Правды» словно бы старается доказать, что украинцы за политическую свободу бороться не думают и что даже достижение политической свободы Украине ничем не поможет, ибо укрепит силу ее завзятых врагов, прожорливых москалей. А в таком случае мы видим для русской Украины только два выхода: либо погибать, не обращая внимания на все и всякие вопли о полной самостоятельности, либо ждать какого-нибудь чуда, какой-то европейской катастрофы, которая оторвала бы Украину от России и сделала бы из нее нечто похожее на теперешнюю Болгарию. В обоих случаях программа «Правды» сводится к азиатскому, фаталистическому слову «ждать». Для органа, который намерен быть посредником между Украиной, Галичиной и Европой, это довольно странно выглядит.

Не менее интересен и следующий факт. В самых принципиальных статьях «Правды», как, например, в статье «Национальный вопрос в России» и в ответе «Зорі» на статьи г. Чудака, мы не видим того, что называется историческим и сравнительно-историческим фундаментом. Обычно указывается то или иное явление, дается этому явлению то или иное наименование, упоминается порою и о том, что такое явление существует уже годы или столетия, но никогда даже не ставится вопрос: какова причина этого явления? Откуда оно взялось и чем поддерживается? Существуют ли такие или сходные явления в других

краях, и как они там проявляются? Между тем, вопросы эти очень важны, едва ли не наиболее важны для настоящего понимания данного явления! Возьмем примеры. В статье «Национальный вопрос в России» говорится, что Россия - неизвестно, одно ли правительство, или все русское общество - угнетает с давних пор и продолжает угнетать Украину, не дает развиваться ее национальной жизни. По правде говоря, нового в этой статье не сказано ничего; нов здесь разве один только метод писать статью о национальном вопросе в России - почти по одному лишь Каткову. В самом деле, три четверти этой статьи составляют пространные выписки из катковских статей, которые печатались в «Московских ведомостях», «Современных известиях», «Русском вестнике» 1863-1866 годов. Кого думал автор поучать этими выписками о вещах, молотых и перемолотых и в России, и у нас, - трудно понять. Но что выписками этими он затемнил дело, давая повод предполагать, в одном случае, что это были взгляды правительства, а в другом - что так думало все русское общество, - это совсем нехорошо. Нехорошо и то, что, приписывая такие взгляды правительству ли, или русскому обществу, он не спросил себя: а какова была причина этих взглядов? Откуда у Каткова и его товарищей возникла эта идея «государственности», и что в этой идее такого, что придавало ей весу? Ведь надо же признать, что каков бы ни был Катков, все же он глупым невеждой не был, а в молодости прошел либеральную школу вместе с Герценом, Белинским и прочими. Даже если предположить, что идею «государственности» он подхватил и развивал ради личной карьеры (это не совсем верно, ибо идея эта была краеугольным камнем гегельянской философии, которою Катков проникся в молодости в кружке Станкевича), то все же хотя бы у людей, которые прислушивались к его словам и признавали их правильными и следовали за ними, надо признать какие-то убеждения, нечто большее, чем страх за свою шкуру и чем желание карьеры. И дальше: думает ли автор, что один только Катков и есть во всем свете, что одно только русское общество болеет идеей «государственности», то есть государственной цивилизации и нивеляции? Разве он не видит, что творится сейчас в конституционной Германии? Разве он не знает, как поступает Бисмарк с поляками и эльзасцами? Разве он не слыхал никогда, что немецкий философ Гартман (тот самый, который выдумал «Киевское княжество»)³ выдумал также слово «ausrotten»⁴ как суть обращения германского правительства с поляками? Не могу допустить, чтобы автор не знал этого, -ведь он и «Revue Contemporaine» в оригинале цитирует, значит, все-таки знает кое-что о Европе. А если знает, то почему не упоминает об этих фактах, столь необходимых для оценки российской катковщины? Вот то-то и есть, что и Бисмарк, и его Гартман, уничтожая поляков в По-

знани, разоряя Эльзас только для того, чтобы искоренить французский элемент и симпатию к Франции, делают это исключительно во имя излюбленного редакцией «Правди» национализма, во имя «чистоты расы» и «однородности национального государства», то есть во имя таких вещей, о которых редакция «Правди» вздыхает, как о высших идеалах человеческой цивилизации и политического прогресса. Не мешает обратить внимание на статейку «О национально-политическом воспитании», где редакция с той же меркой исключительного национализма подходит к делам галицко-буковинским. Скелет аргументации этой статейки совершенно догматичен. «У каждого народа были и имеются свои ренегаты, свои предатели, свой, так сказать, мусор, мусор».

Есть такой мусор и в галицко-украинском обществе, и таким, ясное дело, являются так называемые «общероссы». Это - «результат патологического состояния и национального украинского общества, и правительственных сфер», - значит, к дезинфекции и оздоровлению редакция «Правди» призывает и общество, и правительственные сферы.

Общество должно «вооружаться просвещением, свободным словом, смелой мыслью и солидарностью», а правительство не должно благоприятствовать росту того, что мы называем «нашим украинским мусором», потому что «ни от кого другого, как от правительства, зависит обеспечить школу теми или иными преподавателями, теми или иными учебниками». Мы не знаем, будут ли благодарны галицкие власти редакции «Правди» за ее мудрый совет, но нам кажется, что совет этот не столь уже и мудр, а к тому же не совсем чист. Редакция «Правди» не совсем верно думает, что «ни от кого другого, как от правительства, зависит обеспечить школу теми или иными преподавателями». Может быть, в России и так, а у нас не совсем так. У нас есть положение, которого власти обязаны придерживаться при обсуждении преподавательского состава, и если из двух претендентов на какое-нибудь место учитель-«объединитель» окажется более квалифицированным и более заслуженным, чем учитель-«украинофил» (в конечном счете, при обсуждении кандидатур власти даже не имеют права спрашивать кандидатов об их политических взглядах), то власти без нарушения закона и справедливости не смогут дать это место украинофилу, а должны будут дать его объединителю. Советуя правительству поступать наоборот, редакция «Правди» в своем великом либерализме толкает его на путь протекции, nepoтизма⁵ и несправедливости, и все это во имя единого, нерушимого принципа национализма! И напрасно редакция предостерегает против «такой дезинфекции, какая была осуществлена процессами А. Добрянского⁶ и компании», - ибо, призвав однажды власти вмешиваться в наши партийные отношения, судить, что у нас

является «мусором», а что - чистым зерном, протезировать одних и не давать хода другим, - редакция создает такой прецедент, после которого дезинфекция вроде процессов Добрянского - всего лишь простой логический вывод.

Да и самые эти клички: «мусор», «ренегаты», «запроданцы»! Как легко ими бросаться, как трудно прийти с ними к какому-нибудь толку! Уже одно то, что в Галичине обе «партии» украинские яростно швыряют друг в друга этими прозвищами, должно было бы заставить редакцию «Правди» быть осторожнее. Ведь что означает слово «ренегат»? Оно означает человека, который отрицает, отбрасывает то, что до него считалось как *positum*, как нечто нерушимое. В этом случае Шашкевич⁷, отбрасывая нерушимую до его времени церковшину и этимологию, с полным правом мог быть назван ренегатом, и каждое направление, которое свои принципы считает за *positum*, за вещь, обязательную для всех, точно так же вправе назвать ренегатами всех тех, кто не придерживается его принципов. Значит, ценность этого названия чисто субъективная: я прилагаю к другому свою личную мерку, и, если он под нее не подходит, - значит, он и ренегат. А то, что кое-кто из наших «ренегатов», из этого нашего «мусора» (например, Наумович, Дидыцкий⁸ и другие) сделали для развития галицко-украинского общества и простого народа в десять раз больше, чем сотни и тысячи самых лучших неренегатских ортодоксов, вместе взятых, это редакции «Правди» не касается, ибо это не подходит под мерку исключительно национальную. И снова нам приходится повторить здесь то, что мы сказали выше. Редакция «Правди» смело возглашает: ренегаты, мусор, запроданцы, - и даже не подумает о том, чтобы спросить себя: а откуда они взялись? Что их породило? И что их держит на свете? Правда, редакция «Правди» склоняется к признанию, что, кроме «запроданства», то есть рублей, есть тут нечто иное, есть «соответствующая почва», есть «атмосфера, которая способствует росту бурьяна». Какая это почва, какая атмосфера - редакция не объясняет, хотя это, вероятно, и должно было быть первым ее делом, если она хочет давать рецепты оздоровления. Что почва такая действительно есть, и не среди одной только интеллигенции, а и в простом народе, и не только в темном и неграмотном, а и в грамотном, на это мы приведем редакции «Правди» следующий факт - пусть разжевывает. Было время, когда «Наука»⁹ Наумовича имела около трех тысяч подписчиков, число, которого никогда не достигала ни одна «украинофильская» газета. «Наука» существует и поныне, народ ее читает с удовольствием, несмотря на процессы, эмиграцию Наумовича, церковные запреты и т. д. «Правда русская» Гр. Купчанко¹⁰ расходится в народе также в весьма большом числе; мы знаем факты, что даже в селах, по нашим услови-

ям, наиболее просвещенных, мужики подписываются на нее тайком, боясь священника-народовца и церковного запрета, и хотя имеют читальню, но газету Купчанко читают частным образом у себя дома и прячут ее, точно невесть какое сокровище, - и это те же мужики, которые устраивают торжественные вечера в память Шевченко и Шашкевича. И не забудем, что среди интеллигентных галицко-украинских «запроданцев» находятся люди (может быть, их больше даже, чем среди правоверных народовцев), которые ради мужика или по вопросу о языке и письменности украинской в десять раз смелее выступят, в десять раз скорее заявят протест властям и всяким «сильным мира сего», чем многие народовцы. Не забудем, что между этими «запроданцами» находились и находятся люди, которые весь век живут в самых скромных условиях, в тесноте и нужде, служа делу, которое им кажется справедливым, и которые не поколеблются наложить на себя руку, если увидят, что дело, в котором они видели силу и честь народа, приходит в упадок (Балух). Когда я слышу, что к таким людям прилагают слово «запроданцы», мне всякий раз вспоминаются бывшие ведьмы и колдуньи, которых всяческие ортодоксы сжигали на кострах за то, что они «продались черту», хотя эти несчастные «запроданцы» жили обычно в самой великой нищете и никакой корысти от этого запроданства не имели.

С такой же точно формально-национальной меркой редакция «Правди» подходит к вопросу об отношении галичан к русской литературе. «По совести говоря, мы хорошо не понимаем, что в этом деле неясного и что надо выяснить? Отношение галицко-украинской (но не «общерусской») интеллигенции к русской литературе и к великорусскому или русскому народу должно быть в точности таким же, как и ко всякой другой литературе, будь то французская или шведская, как и к любому из соседних народов: кто хочет и имеет на это возможность, пусть читает, пусть изучает какую угодно литературу». И, высказав эту непоколебимую догму, редакция «Правди» полагает, должно быть, что высказала небывало мудрую фразу, хотя в самом начале этой мудрой фразы сама поставила фатальные слова: «Мы хорошо не понимаем». А если не понимаете, так зачем же догмы устанавливаете и другим в них верить приказываете? И зачем, не понимая хорошо дела, подаете перед всей Украиной донос на общество имени Шевченка, что вот, мол, оно в своем органе устами г. Чудака пропагандирует «общерусскость»? Хорошо ли это? К лицу ли это украинско-европейскому органу?

А что это действительно так, что редакция «Правди» не понимает и не хочет понять того, по поводу чего взялась отвечать «Зорі», это видно уже из вышеприведенных слов ее доктринерской и пустой догмы.

Г-н Чудак в «Зорі» привел множество фактов, чтобы доказать, что литература русская для галицких украинцев имеет совсем иное, особое значение, нежели все прочие литературы европейские; отвечая «Зорі», редакция «Правди» должна была бы прежде всего остановиться на этом пункте, разобрать и взвесить факты. Но нет, редакция «Правди» вместо этого провозглашает свою догму и думает, что ею она сразу покрыла все аргументы г. Чудака. Но для нас, галицких украинцев, которые на самих себе убедились, какое безмерно различное влияние имели на нас произведения Ауэрбаха, Шпильгагена, Дюма, Диккенса и прочих европейцев, - и произведения Тургенева, Толстого, Щедрина, Успенского, Решетникова, Некрасова и других, - для нас эта догма редакции «Правди» только набор пустых слов, и больше ничего. А если редакция «Правди» не понимает хорошо, почему это так, то мы ей скажем. Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека, пробуждали любовь к бедным и обиженным. Вот именно это, а не пропаганду общерусскости имели целью прежние статьи г. Украинца в «Правди» - это доказывает и статья г. Чудака в «Зорі».

Конечно, статьи эти, кроме общечеловеческой, демократической стороны, имеют еще и политическую сторону, и ред[акция] «Правди» снова отгородилась от нее догмой: отношение галичан к русскому народу должно быть таким же, как и ко всякому другому народу. Если бы это сказал ученик, который в первый раз узнал, что дважды два - четыре, и в великой радости прилагает эту аксиому всюду, где нужно и где не нужно, мы бы не удивлялись. Удивительно нам, и что это говорит редакция органа политического, которой должны быть известны факты и обстоятельства, а в числе их и такие, что большая часть украинцев живет в России, непосредственно связана с народом русским, что этот народ русский создал великое государство, на которое так или иначе обращены взоры всего славянства, что это государство охватывает с двух сторон и Галицкую Украину, что этот русский народ создал духовную, литературную и научную жизнь, которая также тысячами путей непрестанно влияет и на Украину, и на нас. Зачем далеко ходить! Возьмем пример Венгрии, и пусть редакция «Правди» скажет по совести: разве закарпатские украинцы меньше ориентируются на мадьяр, чем на Россию? А все-таки, пока закарпатские украинцы обращали свои взоры на Россию, у них проявлялась хоть какая-то народная жизнь, были хоть какие-то писатели, газеты, начиналось и движение народное, пробуждалось и «народовство» среди молодежи. А теперь, когда связи с Россией оборвались, когда взоры закарпатской интеллигенции обратились к Пешту, - что там осталось?

Пора нам кончать эту заметку. С сожалением мы должны сказать: совсем не того мы ждали от «Правди», совсем не на это надеялись в то время, когда она основывалась и когда и сами мы готовы были помогать ее росту. И если бы мы должны были считать «Правду», какова она теперь, мерой того, чем стала украинская интеллигенция и к чему пришла ее политическая и общественная мысль, нам осталось бы только руки ломать с горя. К счастью, это не так, и в самой «Правди» некоторые статьи (например, очень интересная во многих отношениях статья «Славянским гостям») показывают, что там не перевелись еще люди, у которых слово украинское служит не только для того, чтобы молотить ни к селу ни к городу все, что только на язык придет,— про Сербию, про Занзибар, про шведскую конституцию, про штунду, про швейцарские альменды¹¹ и про колонизацию украинцев в Галиции,— но служит для выражения серьезных и глубоко продуманных взглядов. Нам остается только пожелать, чтобы такие серьезные люди взяли в редакции «Правди» верх над теми, кто, по слову старика Софокла, «должно быть, ветряными мельницами родились - вот и мелют».

Источник: Франко Иван. Сочинения в десяти томах. Т. 10. Статьи, письма. М., 1959. С. 233-243.

ПОЯСНЕНИЯ

1. «Правда» - литературный и литературно-политический ежемесячник галицких украинофилов-«народовцев». Издавался во Львове в 1867-1870, 1872-1880, 1884-1898 гг. В 60-х г. держался сравнительно прогрессивных позиций, с 70-х годов стал органом украинского национализма. Статья Франко по существу посвящена разоблачению этой позиций.

2. «Ognisko» («Огниско» - костер) - польский социалистический журнал. Выходил в Кракове в 1889 г.

3. Гартман Эдуард (1842-1906) - немецкий философ-идеалист, по поручению Бисмарка разработал и опубликовал в 1888 г. проект «самостоятельного» Киевского королевства.

4. Искоренить (немецкое).

5. Раздача выгодных должностей, званий и т.п. по протекции родственникам, близким людям (от латинского *perotulus*),

6. Имеется в виду процесс против видного деятеля русинского Возрождения в Австро-Венгрии **Адольфа Ивановича ДОБРЯНСКОГО** (1817-1901), его дочери **Ольги ГРАБАРЬ** и других русским патриотов. Они были арестованы во Львове в январе 1882 г. и посажены в тюрьму, где просидели полгода. В апреле им был предъявлен обвинительный акт, содержащий нелепые обвинения в государственной измене и требующий предания их смертной казни. Это была месть за пропаганду русскости, православия и попытку сплочения

русских галичан. В июле присяжные вынесли А.И. Добрянскому и шести другим подсудимым (всего их было 11 человек) оправдательный приговор. Когда Добрянский вышел из зала суда, его встречала криками «ура» тысячная толпа, галицкая молодежь подхватила его на руки.

7. ШАШКЕВИЧ Маркиан Семенович (1811-1843). Родился в с. Подлысье Золочевского уезда. Учился в Золочеве, Бережанах и Львове. Как студент богословского факультета отличался живым темпераментом, скоро подружился с Я.Ф. Головацким и И.Н. Вагилевичем. В 1837 г. окончил университет и исполнял должность душпаствыря в Гумнисках, Нестаничах и Новоселках, которые входили в состав Каменка-Бугского уезда. Умер на 32-м году жизни. Из Новоселок его останки были перевезены на Лычаковское кладбище во Львове. На могиле отлит прекрасный памятник.

Литературное наследие Маркиана Шашкевича заключается в лирических стихотворениях: «Вестіка», «Підлисе», «Лиха доля», «Розпука», «Згадка», «Нешастний», «Болеслав Кривоустий під Галичем», «Бандурист». Удачно передавал своими словами в форме парафраза псалмы Давида. В одной из них подчеркнул: «Вирвеш мі очі і душу ми вирвеш, а не возьмеш милості і віри не возьмеш, бо серце мі руске тай віра руска».

Новелла «Олена» приурочена к периоду карпатских опришков, мстителей барщинным угнетателям галицкого населения.

Следует отметить, что Шашкевич, как и остальные члены кружка «Русская троица» (Головацкий и Вагилевич), свой русинский язык и литературу, а равно и свой народ называл русским, себя называл русин, русский и свою страну Галичиной, Галицкой Русью. В произведениях Шашкевича нет выражений «украинец», «украинский», а только «русин», «русский», «руский». Его национальное кредо:

Руска мати нас родила,
Руска мати нас повила,
Руска мати нас любила -
Чому ж мова ей не мила?
Чом ся не в стыдати маем,
Чом чужую полюбляем?
Чом чужую полюбляем?

8. НАУМОВИЧ Иоанн Григорьевич (1826 -1891). Сын учителя начального училища. Родился в Козлове Каменка-Бугского уезда. Учился в Буске у отца. Гимназию и университет окончил во Львове. В молодости увлекался идеей польских повстанцев и старался привлечь русских крестьян в ряды польского легиона. И те же крестьяне выбили из его головы затею польской шляхты. На одной из встреч ему сказали: «Кажется, вы - русская детина. Вам приличнее держать с родным народом, чем служить его врагам».

С тех пор Иоанн Наумович, рукоположенный в священники, просвещал народ, утверждал его в заветах и вере отцом и дедов в Городке, Ляшках, Коростне, Стрельче и Скалате. Права его защищал как депутат Галицкого сейма и Австрийского парламента.

Иоанн Григорьевич - один из самых талантливых и плодовитых галицких писателей. В его поэзии заметно влияние народной словесности и богословс-

кой традиции: «Бандурист», «Песнь о Руси», «Ласточка-щебетушка», «Еврейские мелодии» отличаются душевной простотой и неподдельной красотой.

У него много повестей, рассказов, новелл из жизни простолюдинов: «Заветные тополи», «Онуфрий-чаровник», «Сироты», «Повесть о 12 разбойниках», «Луцк Заливайко», «Село Тындырынды», «Горшкодрай», «Псалтырник», «Ксенька Ковалиха» отличаются глубокими нравственными, патриотическими, философскими и художественными достоинствами и жизненной истиной.

В сатире-комедии «Знемченый Юрко» вывел Наумович деревенского парня, который коверкает родной язык немецкими словами, чем вызывает комичность и насмешки своих односельчан. Пьеса ставилась многократно на сценах любительских театров.

Иоанн Наумович - насквозь народный писатель. В своих произведениях он беседовал с крестьянами простым, понятным языком. Как выразитель идеологических стремлений галицко-русского народа он видел его спасение от гибели в польской неволе в единстве со всем русским этносом. В 1866 г. он заявил в семье: «Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все её племена составляют один могучий русский народ».

Иоанн Наумович - гражданин и патриот чистой воды. Веру, родину и народ он ставил выше всего. Он считал, что вера в освящении православной церкви является источником всех достижений, побед и величия русского народа в татарские нашествия, в польское лихолетие и нападения шведов, французов и немцев на Русь.

Служба родному народу была целью жизни Иоанна Наумовича. Ему в жертву он принес все свое достояние. Для него он основал культурно-просветительное общество, в утлах которого поставил кличи: «Молись, учись, трудись, трезвьись!»

Талантливый популяризатор, о. Наумович стал издавать в Коломии первую политическую газету для народа «Русская Рада», затем журнал «Наука» (издания, расходившиеся в 1000 -1500 экземплярах), писал отдельные книжки; в своих изданиях он первый провел мысль об устройстве по селам читален, ссудосберегательных касс, братств трезвости, общественных магазинов, учил рациональному ведению хозяйства, устройству пасек и т. д.

В 1882 г. он был арестован и судим за государственную измену. Папа отлучил его от римской церкви.

Вышедши из тюрьмы, о. Иоанн Наумович, лишенный сана и прихода, присоединился к православию и переселился в Киев. Скончался великий сын Галицкой Руси внезапно в Новороссийске, был похоронен в Киеве на Аскольдовой могиле.

ДЕДИЦКИЙ Богдан Андреевич (1827 -1909). Первый профессионал-журналист Галицкой Руси. Родился в Угневе Рава-Русского уезда. Учился в Перемышле и Львове, а филологический факультет закончил в Вене. Русское сознание проснулось в нем после разговора со священником русского отряда, проходившего в 1849 г. за Карпаты в Венгрию. Под влиянием этого разговора он написал брошюрку, в которой поясняет, что русин может научиться читать по-русски за один час.

При помощи галицко-русского общественного деятеля М. Качковского в 1861 г. Богдан Дедицкий возглавил редакцию первой независимой галицко-русской газеты «Слово». В то же время он издал большой сборник «Галицкая Зоря-альбом», где печатались лучшие представители галицко-русской литературы того времени.

Острой критике подверг Богдан Дедицкий попытку галицкого наместника гр. Агенора Голуховского набросить Галицкой Руси латинский алфавит: «О неудобности латинской азбуки в письменности русской» (1859). Годом раньше вышли его «Народная история Руси». Как поэт Богдан Дедицкий подарил Галицкой Руси «Песни русского Кобзаря» (1853) и две поэмы - «Конюший» (1853) и «Буйтур Всеволод, князь Курский» (1860). Повесть «О. Игнатий» бросает свет на жизнь-бытьё галицкой интеллигенции.

КАЧКОВСКИЙ Михаил (1802-1872). Сын сельского священника, изучал право в Львове, был судьёю, путешествовал по России. Проникнутый горячей любовью к своему народу, Михаил Качковский во всем себе отказывал и, будучи холостяком, копил из своего небольшого жалованья средства на народное дело. В 1861 г. он основал во Львове «Слово», первую независимую большую политическую русскую газету в Галиции, которая служила органом старорусской партии и просуществовала до 1887 г.; редактором ее он избрал Б.А. Дедицкого, который благодаря поддержке Качковского имел возможность сделаться первым во Галиции русским литератором по профессии. Все свои средства, около 60000 руб., К. завещал на народные цели. На эти средства и в память о заслугах Качковского в 1874 г. по инициативе И. Наумовича в Галицкой Руси было основано «Общество имени М. Качковского». Своей задачей общество ставило поднятие умственного и экономического уровня русин и утверждение народа в любви к прадедовским церковным обрядам путем распространения общепользовных знаний, издания народных книжек, устройства по городам и селам бесплатных народных читален, учреждения обществ трезвости, приютов и бурс для беднейших русских учеников, общественных хлебных складов, ссудных и сберегательных касс, экономических выставок и народных чтений. Общество имело свои отделения (филии) по всей Восточной Галиции. Почти все читальни, возникшие между 1871-1878 гг., обязаны своим существованием деятельности Наумовича. Вообще, из 161 читальни, основанной по селам за 1871-1878 гг., только шесть было устроено украинскими националистами-«народовцами». «Просвита» почти не имела членов крестьян (до 1873 г. - только 2), тогда как в «Обществе им. Качковского» в 1875, 1876, 1877 гг. было 645, 4791, 6123 члена соответственно, преимущественно крестьяне. На могиле Михаила Качковского в Кронштадте членами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества был поставлен памятник.

9. «Наука» - журнал галицких русинов. Издатель и редактор Иван Наумович. Выходил с 1871 по 1883 г. в Коломые, затем во Львове; с 1886 по 1901 г. - в Вене, в 1902 г. - в Черновцах, с 1906 по 1914 г. - снова во Львове.

10. **КУПЧАНКО Григорий Иванович** (1849-1902) – русский этнограф, издатель, журналист, общественно-политический деятель. Родился в с. Бергомет в австрийской части Буковины (теперь Кицманский район Черновиц-

кой обл. Украины). Постоянно подвергался преследованиям со стороны австрийских властей и нападкам украинофилов за свои убеждения. Отдельные номера его изданий конфисковывались или не пропускались цензурой, издания запрещались. Издатель вынужден был постоянно менять названия своих изданий, например, его издания носили последовательно названия: «Червоная Русь», «Галицкая Русь», «Галичанин».

Его «Русская Правда», издаваемая с 1888 г., иллюстрированная «газета для русских мужиков», выходила в Вене тиражом более 3 тыс. экз. на галицко-русском наречии. Ее подписчиками были русские крестьяне Галичины, Буковины и Угорской Руси.

Купчанко выпустил ряд трудов по этнографии русского (русинского) населения Галичины, Угорской Руси и Буковины, в том числе: «Некоторые историко-географические сведения о Буковине» (Записки юго-западного отделения Географического общества, 1874 г., т. 2, с. 289-369), «Песни буковинского народа» (Записки юго-западного отделения Географического общества, 1875 г., т. 2, с. 371-600), «Буковина и ее русские жители» (Вена, 1895 г.), «Галичина и ее русские жители» (Вена, 1896 г.), «Угорская Русь и ее русские жители» (Вена, 1897 г.).

О себе писал: «Я родился 27 июля 1849 г. отъ русскихъ православныхъ родителей изъ крестьянскаго сословія въ рускомъ православномъ селе Берегомети на Пруте Коцманскаго уезда, въ Северной Буковине».

11. Швейцарские альменды - в Швейцарии право членов общины пользоваться общинными угодьями и доходами.

12. Иван Франко закончил статью следующим примечанием:

«Яркий пример непонимания этих элементарных вещей увидели мы в воззвании кружка украинской студенческой молодежи по поводу первой артистической поездки или скорее устройства ряда концертов в провинции для усиления фонда на постройку украинского театра во Львове. Вознося это дело, - по правде говоря, дело доброе и полезное, но не такое уж трудное или важное, - на высоту тяжкого патриотического подвига, молодые охотники до концертов не просят, а призывают всех интеллигентных украинцев в провинции создавать комитеты для устройства концертов, призывают даже простой люд поспешить с помощью; и это в то время, когда украинские газеты переполнены известиями о неурожае, угрозе голода, о падеже скота, о стоящем принудительном взыскании податей. Этот факт лучше всего показывает, до какой наивной иронии может довести искренних и пылких людей чисто формальный патриотизм, не обращающий внимания на нужды, жизнь и интересы живого народа. Нам страшно даже подумать, с каким чувством прочитали это воззвание наши селяне, среди которых царит уже сейчас панический ужас перед голодом и разорением, и что они подумают о патриотизме авторов этого воззвания».